

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

ПИСЬМА ЖОРЖА ДАНТЕСА К ЕКАТЕРИНЕ ГОНЧАРОВОЙ

1836—1837 гг.

Семь публикуемых писем адресованы свояченице Пушкина Екатерине Гончаровой (баронессе Геккерен) ее женихом, а затем мужем, бароном Жоржем Дантесом, уже именовавшим себя в качестве приемного сына голландского посла в России барона ван Геккерена также и бароном де Геккереном. Рукописные тексты писем вычитаны, откомментированы и предоставлены для печати в России итальянской исследовательницей жизни Пушкина проф. Сереной Витале. Оригиналы писем принадлежали правнуку Дантеса барону Клоду де Геккерену, умершему 3 мая 1996 г., а ныне принадлежат его наследникам и находятся в их семейном архиве. Серене Витале впервые был открыт полный доступ к этому архиву, и его материалы были использованы ею в книге «Пуговица Пушкина», вышедшей на итальянском языке в 1995 году и готовящейся к изданию в России. По этой книге два письма Дантеса к Екатерине (первое и третье) были фрагментарно, в переводе с итальянского, приведены в публикации «Письма Жоржа Дантеса барону Геккерену 1835—1836 годов» («Звезда», 1996, № 9). Письма и записки самим Дантесом не датированы.

Первое письмо С. Витале датирует 21 ноября 1836 года на том основании, что за время краткого пребывания Дмитрия Николаевича Гончарова в Петербурге, по случаю официальной помолвки сестры, Дантес только в этот день находился на дежурстве, вернувшись с которого он и пишет свое письмо невесте. Нам удалось найти еще одно подтверждение данной датировки: в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 21 ноября сообщалось о представлении в этот день на сцене Александринского театра оперы Беллини «Пират», которую упоминает в своем письме Дантес, выражая надежду, что опера развлечет Екатерину.

Третье письмо Серена Витале гипотетически датировала еще в своей книге: «Мы датируем его 22 декабря 1836 года, поскольку оно содержит указания о бале, на котором Дантес не мог быть, так как был болен, но на котором должен был присутствовать двор. Мы предполагаем, что это был бал во дворце княгини Барятинской, который состоялся как раз 22 декабря 1836 года». Бал у кн. Барятинской почтило своим присутствием царское семейство, но не был официально представлен двор и дипломатический корпус, а если там и оказался барон Геккерен, то в качестве частного лица. Александр Иванович Тургенев записал в своем дневнике 22 декабря: «Вечер на бале у кн. Барятинской, — мила и ласкова. Приезд Государя и Государыни. С наследником и прусским принцем Карлом. Послал протопить или нагреть залу вальсами». Пушкин присутствовал на этом балу, а значит, была на нем скорее всего и Екатерина, но все-таки это был частный бал, который император вскоре покинул вместе с императрицей и цесаревичем. Другое дело — рождественский бал-маскарад в Зимнем дворце 26 декабря, также описанный Тургеневым: «В 9-м часу отправился во дворец. Представление дипломатов прусскому принцу. Белая зала. Вход императора и императрицы». В числе приглашенных был и Пушкин с женой. Екатерина Николаевна присутствовала как фрейлина. Всего было около тысячи гостей. Именно официальные балы открывались полонезом, на который заранее ангажировал Геккерен невесту своего приемного сына. Жорж Дантес по болезни не мог присутствовать на балу, а потому Геккерен желал демонстративно при всем свете танцевать с нею первый танец. Таким образом, именно 26-м декабря следовало датировать это письмо. Серена Витале согласилась с этими доводами.

Все письма написаны в дни дежурства Дантеса, его болезни или когда он находился под арестом после дуэли с Пушкиным, то есть когда общение его с Екатериной было ограничено перепиской. До нас не дошли встречные послания Екатерины Дан-

© Серена Витале (публикация, комментарии), 1997

© В. П. Старк (подготовка к печати в России, вступительная заметка), 1997

© М. И. Писарева (перевод писем с французского), 1997

© С. В. Сливинская (перевод комментариев с итальянского), 1997

тесу, о которых упоминается в его письмах. Об их содержании мы можем в какой-то мере судить по откликам Дантеса. Не слишком этично погружаться в частные письма жениха к его невесте, мужа к жене, даже если они не носят интимного характера, но в данном случае это оправдано тем, что их публикация осветит еще одним тоненьким лучиком историю дуэли Пушкина, выявит что-то и в портретах ее самых непосредственных участников.

Этим чувством руководствовался в свое время Павел Елисеевич Щеголев, когда писал свою знаменитую книгу «Дуэль и смерть Пушкина». Из архива Геккеренов Щеголев получил пять писем Дантеса Екатерине, которые он оценил так: «Эта письменная идиллия показывает нам, что Дантес с добросовестностью отнесся к задаче, возложенной на него судьбой, и попытался в исполнении обязанностей невольного жениха внести тон искреннего увлечения». Самое раннее из писем наиболее характерно для этой идиллии, которая должна была убедить влюбленную Екатерину в обоснованности их чувств и надежности неожиданно обрушившегося на нее сватовства. Пушкин, как известно, не верил в то, что свадьба состоится, и даже держал на этот счет пари. Возможно, что Дантес и самого себя, а не только невесту, пытался убедить в том, что он ей писал, к примеру, в этом письме: «Позвольте мне верить, что Вы счастливы, потому что я так счастлив сегодня утром. Я не мог говорить с Вами, а сердце мое было полно нежности и ласки к Вам, так как я люблю Вас, милая Катенька, и хочу Вам повторять об этом с той искренностью, которая свойственна моему характеру и которую Вы всегда во мне встретите».

Щеголев полагал, что других писем Дантеса к Екатерине в архиве Геккеренов не сохранилось, но вот еще семь писем обнаружилась благодаря усилиям Серены Витале. Нетрудно понять, почему эти письма не попали в число отобранных некогда для Щеголева. Налет кургузности в них также присутствует, но речь ведется прежде всего о предметах более земных. Ни разу не обмолвился в них Дантес о своей любви к невесте. Только последнее письмо закончит Дантес словами: «Обнимаю тебя так же, как люблю, то есть чрезвычайно сильно». Но тут же в приписке для Геккерена заметит: «...я обнимаю тебя так же, как Катрин». Это признание и оговорка сделаны Дантесом в марте 1837 года под арестом после того, как Наталия Николаевна покинула Петербург. Он понимал, что его ждет высылка из России, и для него уже единственно близкими оставались жена и Геккерен. И Екатерина, скорее всего, теперь ему ближе так называемого отца. Их явно сплотили события зимы 1836—1837 годов. Даже при отсутствии писем Екатерины к Дантесу, скорее всего уничтоженных, его письма дают представление о той роли, которую Екатерина сыграла в истории дуэли Пушкина, ослепленная своею любовью к Дантесу, который, кажется, также полюбил ее, хотя это чувство выросло постепенно и страстью его не назовешь.

Из цитированного выше письма, опубликованного Щеголевым, мы знаем, что между бароном Геккереном и Екатериной Ивановной Загржской, теткой сестер Гончаровых, представлявшей в Петербурге их семейство, было заключено соглашение о том, что Дантес может приходиться к ней каждый день от двенадцати до двух и у нее встречаться с невестой. Об этих обусловленных встречах мы знаем и из мемуарных источников, но только из публикуемых писем узнаем об их частых свиданиях тайком и в доме голландского посольства, где жил Дантес. По мере чтения этих писем становится очевидным, что их отношения явно выходят за рамки тех, что приняты между женихом и невестой.

В одном из писем Дантес замечает, что относится к Екатерине «почти как к супруге [подчеркивая это слово — В. С.], поскольку запросто принял Вас в самом невыигрышном неглиже». Если вспомнить, что в письмах Геккерену «супругой» Дантес называет свою возлюбленную, оставленную осенью 1835 года, а теперь так называет нареченную невесту, то представляется, что прав был Александр Карамзин, когда писал о Екатерине: «...та, которая так долго играла роль посредницы, стала, в свою очередь, возлюбленной, а затем и супругой». Сказать подобное без достаточных на то оснований Карамзин безусловно не мог. О том, что их отношения в обществе воспринимали порою как неприличные, пишет сам Дантес в письме от 21 ноября: «Еще новость: вчера вечером нашли, что наша манера общения друг с другом ставит всех в неловкое положение и не подобает барышням». А Александр Карамзин, как явствует из слов Дантеса в одном из писем, вполне мог столкнуться с Екатериной Николаевной в квартире Дантеса, которому пришлось отказать ей в очередном свидании ввиду этого неожиданного визита.

В этом же письме, выражая надежду на завтрашнюю встречу, Дантес заканчивает фразу загадочными для нас словами: «...мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла картошка с прошлого раза». По поводу этого подчеркнутого Дантесом слова или прозвища, понятного только ему и невесте, Серена Витале осторожно предполагает, что «слово «картошка» — это нежное прозвище для ребенка, которого Екатерина Гончарова, возможно, в то время уже носила в себе».

Итак, приходится поневоле возвращаться к вопросу, интимнейшему по своей сути, но который, тем не менее, десятилетиями муссировался самими авторитетными пушкинистами, желавшими истолковать важнейший эпизод дуэльной истории Пушкина и Дантеса. Суть вопроса заключалась вовсе не в стремлении заклеить Екатерину Гончарову в добрачной связи, а в попытке объяснить странный брак Дантеса не одним лишь стремлением избегать дуэли, которая являлась для обоих Геккеренов крахом их карьеры при любом ее исходе. Щеголев, анализируя ситуацию, высказал утверждение,

выделенное им в своей книге разрядкой и жирным шрифтом: «Проект сватовства Дантеса к Екатерине существовал до вызова». Одним из доводов в пользу такого заключения исследователя оказывается письмо Ольги Сергеевны Павлищевой отцу Сергею Львовичу от 2 ноября 1836 года из далекой Варшавы: «Вы мне сообщаете новость о свадьбе м-ль Гончаровой...» Учитывая расстояния и медлительность почты, очевидно, что такую новость Сергей Львович должен был узнать не позднее середины октября, задолго до того, как это стало общим достоянием. За десятки лет никто не опроверг этого утверждения. Это сделала только в наши дни С. Л. Абрамович, отдавшая, можно сказать, жизнь исследованию дуэльной истории Пушкина. Она выявила ошибку в старом прочтении французского текста письма, в котором вместо «M-lle Gontcharoff» значится «M-r Gontcharoff», т.е. «Г-н Гончаров» — Сергей Николаевич, женившийся на баронессе Шенк. Так был отвергнут довод Щеголева. Однако этому письму Щеголев уделяет лишь несколько строк, в своих рассуждениях основываясь, прежде всего, на записях Жуковского, конспективно фиксировавшего все события, последовавшие после 4 ноября 1836 года, дня получения Пушкиным анонимного пасквиля, приведшего в конечном итоге к дуэли. 7 ноября, по вызову письмом, Жуковский посещает Екатерину Ивановну Загряжскую, а сразу от нее направляется к Геккерену, с которым он и так уже достаточно общался накануне у Пушкина. Запись об этих визитах: «Поутру у Загряжской. От нее к Геккерену. (Mes antécédents* — неизвестное, совершенное прежде бывшего.) Открытия Геккерена. О любви сына к Катерине (моя ошибка начет имени). Открытие о родстве, о предполагаемой свадьбе. — Мое слово. — Мысль все остановить...»

Для Жуковского, желавшего всеми силами предотвратить дуэль, все эти открытия казались спасительными, но у Пушкина они вызвали вспышку ярости. Жуковский записывает: «Его бешенство». Было ли оно вызвано только хитросплетениями Геккерена, желавшего избежать дуэли и обманувшего доверчивого Жуковского, или же среди открытий было и сообщение о связи свояченицы Пушкина с Дантесом? Можно не доверять Геккерену, устно и письменно уверявшему всех и каждого, что проект женитьбы существовал ранее вызова на дуэль со стороны Пушкина, но ведь и Жуковский письменно сообщает Пушкину о бывшем в его руках материальном доказательстве, что «дело, о котором теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде вызова». А толки о женитьбе Дантеса с 17 ноября 1836 года, дня официально объявленной помолвки, стали достоянием всех гостиных Петербурга, а затем и Москвы. Кто только не поражался этому неожиданному сватовству и не стремился постичь его причину. О том, что сватовство состоялось под дулом пистолета, современники узнают много позже. Пушкин поставил Дантеса в смешное положение, но в несколько дней распространяется слух о рыцарстве Дантеса. Вяземский писал позднее об этой сплетне: «Часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной».

Когда эти слухи дошли до Пушкина, то его вновь охватила волна негодования. Он был связан словом не упоминать о несостоявшейся дуэли. 21 ноября Пушкин пишет два роковых письма — оскорбительнейшее барону Геккерену и объяснительное гр. Бенкендорфу. Жуковскому удастся удержать Пушкина — письма не будут отправлены. Первое из них в смягченной редакции будет послано Геккерену 25 января 1837 года. В ответ последует вызов со стороны Дантеса. 21-м ноября — одним из тяжелейших в жизни Пушкина днем — датировано и первое письмо Дантеса Екатерине Гончаровой. В нем упоминаются, хотя и неназванными, Пушкин и Наталия Николаевна — «известная дама» и «Месье». Из письма следует, что утром (явно у Загряжской) Дантес виделся с Наталией Николаевной, которой объявил, чтобы она оставила «эти переговоры, совершенно бесполезные», и что муж ее играет «дурацкую роль во всей этой истории». При этом он следует советам своей невесты.

Та преданность Екатерины Дантесу, которую демонстрируют эти письма, преданность, проявленная во вред семейству родной сестры еще до того даже, как стала она его невестой, не объясняется ли тем, что она уже ожидала его ребенка? Скорее всего этим обстоятельством можно объяснить загадочные слова из письма Загряжской Жуковскому от середины ноября: «Слава Богу кажется все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением. К большому щастию за четверть часа пред ними из Москвы приехал старший Гончаров и объявил им родительское согласие, и так все концы в воду». Припомним, что и со свадебного обеда 10 января братья Гончаровы тотчас неожиданно для всех отправятся в Москву. Так не пишут и так не поступают, если все обстоит нормально.

Недавние разыскания нидерландского исследователя Франса Суассо также склоняют нас вновь к гипотезе Леонида Гроссмана о преждевременном рождении первого ребенка у Екатерины Николаевны. Гипотеза была отвергнута, ибо базировалась на описке в дате письма ее матери с упоминанием уже родившегося ребенка. Суассо вернул исследователей к мысли о преждевременном рождении ребенка у Екатерины — ситуации, существенно меняющей мотивацию женитьбы Дантеса и всего психологического расклада дуэльной истории. Суассо установил, что в книге актов гражданского состояния в Сульце только первый ребенок Геккеренов, дочь Матильда-Евгения,

* Мои прежние действия, намерения. (фр.)

записана без положенной свидетельской подписи врача. Можно привести еще ряд косвенных указаний на вероятность того, что скрыто в публикуемых письмах словом «картошка». Мы никогда не поставим последнюю точку в этом вопросе, но Пушкин, конечно же, знал правду и только вынужден был молчать до смертного часа, оберегая честь свояченицы.

В. П. Старк

1

[21 ноября 1836 г.]

Моя любезная и добрая Катрин, как видите, дни бегут и день на день не приходится. Вчера ленив, сегодня деятелен, хоть и вернулся с отвратительного дежурства в Зимнем дворце; я, впрочем, посетовал на это нынче утром Вашему брату Дмитрию,¹ попросив его передать Вам, дабы Вы смогли как-нибудь дать знать о себе; не знаю, как у меня достало терпения на эти несколько часов, так скверно провел я их в этом ужасном Маршалском зале, где не утешиться и тем, что сможешь сказать себе, будто не хотел бы тут оказаться на портрете.²

Нынче утром я виделся с известной дамой,³ и, как всегда, моя возлюбленная, подчинился Вашим высочайшим повелениям; я формально объявил, что был бы чрезвычайно ей обязан, если бы она соблаговолила оставить эти переговоры, совершенно бесполезные, и коль Месье⁴ не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль в этой истории, то она, естественно, напрасно тратит время, желая ему это объяснить.

Еще новость: вчера вечером нашли, что наша манера общения друг с другом ставит всех в неловкое положение и не подобает барышням. Я пишу Вам об этом, поскольку надеюсь, что Ваше воображение примется за работу и к завтрашнему дню Вы найдете план поведения, который всех удовлетворит; я же нижайше заявляю, что ничего в этом не смыслю, и, следовательно, более чем когда-либо намерен поступать по-своему.

Доброго вечера, милая моя Катрин. Надеюсь, «Пират»⁵ Вас развлечет; до завтра, а пока целую Вашу ручку, которой Вы мне не дали вчера вечером перед уходом.

Жорж

Спасибо, моя «дорогая», за доброе и длинное письмо, которое я только что нашел у себя. Вы знаете, как я счастлив, что могу почти угадывать Ваши мысли, ибо все, что Вы мне рекомендовали, уже исполнено, за исключением письма к папеньке Дантесу,⁶ но его я спешно дописываю к этой почте; тем не менее завтра я принесу Вам черновик.

АГ. [Архив Геккеренов] Собственноручное письмо. Мы датируем его 21 ноября 1836 года, основываясь на упоминании о смене караула в Зимнем дворце («Книга приказов кавалергардов», 1836), который нес Жорж Дантес в дни, когда Дмитрий Гончаров находился в Петербурге. Кроме того, именно в этот день состоялось представление оперы Беллини «Пират» на сцене Александринского театра. Об этом было напечатано и объявление в газете «Санкт-Петербургские ведомости» под рубрикой «Зрелища» за 21 ноября, № 267, с. 1168.

¹ Дмитрий Николаевич Гончаров (1808—1860), старший брат Наталии Николаевны Пушкиной, чиновник министерства иностранных дел в 1826—1837 гг., 17 ноября 1836 года прибыл в Петербург, чтобы лично привести согласие семьи Гончаровых на обручение Екатерины Николаевны с Жоржем Дантесом и присутствовать на официальной церемонии обручения.

² В Фельдмаршалском зале Зимнего дворца, примыкающем к парадной Иорданской лестнице, располагался гвардейский караул для встречи императора и почетных гостей. Зал украшали портреты российских фельдмаршалов, и Дантес допускает возможность оказаться в их ряду.

³ Как становится ясно из другого письма Дантеса, речь идет о Наталии Николаевне Пушкиной.

⁴ Несомненно, что это Александр Сергеевич Пушкин.

⁵ «Пират»: возможно, речь идет о мелодраме в двух актах В. Беллини на либретто Ф. Романи, впервые представленной в Миланском театре «Ла Скала» 27 октября 1827 года.

⁶ Барон Жозеф Конрад д'Антес (1773—1852), кавалер Ордена Почетного Легиона, землевладелец, офицер, политик, отец Жоржа де Геккерена.

2

Спасибо, добрая моя Катрин, за все, что вы мне прислали, это, право же, прелестно, и Вы выказали отменный вкус. Я тоже нашел две хорошенькие вещицы. Не знаю, получают ли они Ваше одобрение, но зато дарю их от всего сердца.

Весь Ваш,
Ж. де Геккерен

АГ. Собственноручное письмо. Можно считать с большой степенью точности, что оно относится к периоду официального обручения Жоржа де Геккерена с Екатериной Гончаровой (17 ноября 1836 — 10 января 1837).

3

[26 декабря 1836 г.]

Прежде всего, добрая моя Катрин, начну с исполнения комиссии Барона,¹ который поручает мне ангажировать Вас на первый полонез, а еще просит сказать, чтобы Вы расположились поближе ко Двору, дабы он смог Вас отыскать.

Мне не нужно было Вашей записки, чтобы узнать, что мадам Хитрово² конфиденстка Пушкина. Похоже, она до сих пор сохранила милую привычку лезть не в свое дело, доставьте же мне удовольствие, ежели с Вами вновь заговорят об этом, скажите, что мадам Хитрово стоило бы больше заниматься собственным поведением, а не других, особенно в части приличий — предмета, о котором она, по-моему, давно позабыла, по крайней мере, то, как она себя ведет, заставляет в это поверить.

Досадно, что у Вас не будет экипажа завтра утром, но думаю, Вам лучше знать, какими Вы располагаете способами, чтобы выезжать, и на сей счет мне не надо давать Вам советов.

Однако в любом случае я не хочу, чтобы Вы просили формального позволения у своей дорогой тетушки.³

Мы не знаем, получил ли Протопопов⁴ бумаги из полка, но барон сам сообщает Вам «новости»⁵ нынче вечером на балу.

Многих Вам удовольствий сегодня вечером.

Жорж

В АГ мы нашли только рукописную копию (почерк не принадлежит барону Клоду де Геккерену). Это письмо не имеет даты. Мы датлируем его 26 декабря 1836 года, поскольку в нем указывается на бал, на котором Жорж де Геккерен не был, но на котором был представлен двор и дипломатический корпус. Мы предполагаем, что речь идет о рождественском бале в Зимнем дворце именно 26 декабря 1836 года, на котором Жорж де Геккерен не мог присутствовать, поскольку был болен.

¹ Барон Якоб Дерк Анна ван Беверверд-Геккерен (1791—1884), посол Нидерландов в России, приемный отец Жоржа Дантеса.

² Елизавета Михайловна Хитрово (1783—1839), урожденная светлейшая княжна Голенищева-Кутузова Смоленская, в первом браке гр. Тизенгаузен, мать Доротеи (Дарьи Федоровны) Фикельмон, друг и покровительница Пушкина.

³ Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), фрейлина, тетка сестер Гончаровых.

⁴ Протопопов Михаил Андреевич (1811—1860), секретарь петербургской палаты гражданского суда, оформлявший и заверявший всякого рода документы по гражданским делам; к примеру, он оформил доверенность Пушкина И. М. Пеньковскому в 1834 г. на управление имением. В данном случае речь идет об оформлении разрешения на брак Дантеса с Екатериной Гончаровой по представлении необходимых бумаг от начальства Кавалергардского полка.

⁵ Мы должны были дополнить фразу, чтобы придать ей смысл, поскольку в тексте она была неполной. Речь здесь может идти об ошибке Дантеса или, возможно, того, кто делал копию этого письма. В его письмах и заметках, написанных наспех, часто не хватает отдельных слов.

4

Добрая моя Катрин, я и сам не знаю, отчего здоровье мое было сегодня хуже, чем вчера, однако думаю, что это не намного затянет выздоровление. Я не попросил Вас подняться ко мне нынче утром, поскольку г-н Антуан,¹ который всегда поступает по-своему, счел нужным впустить Карамзина,² но надеюсь, завтра не будет препятствий повидаться с Вами, так как мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла картошка³ с прошлого раза.

Весь Ваш,
Жорж

Сейчас ко мне пришел барон и поручил побранить Вас, что мало заботитесь о том, чтобы вылечить свою простуду.

В АГ мы нашли только рукописную копию этого письма без даты (почерк не принадлежит барону Клоду де Геккерену), написанного между 12 декабря 1836 года, днем, когда Жорж де Геккерен заболел, и 27 декабря 1836 года, днем, когда, как мы узнаем из письма Софьи Карамзиной брату Андрею от 29 декабря, он появился в обществе в доме Петра Ивановича Мещерского и его жены Екатерины Николаевны, урожденной Карамзиной.

¹ Антуан — камердинер Жоржа Дантеса.

² Александр Николаевич Карамзин (1815—1888), сын Екатерины Андреевны и Николая Михайловича Карамзиных, прапорщик Кавалергардского полка, друг Дантеса и Пушкина.

³ Нет соответствующих данных, чтобы понять смысл слова, которое, скорее всего, является прозвищем, понятным только жениху и невесте. Единственная гипотеза, которую мы можем предложить, и то очень осторожно, что слово «картошка» — это нежное прозвище для ребенка, которого Екатерина Гончарова, возможно, в то время уже носила в себе; этот вопрос долго обсуждался учеными, занимавшимися изучением обстоятельств, которые привели к дуэли Пушкина и Дантеса и которые еще сегодня не полностью ясны. Совершенно ясно, что Дантес не мог назвать «картошкой» свою невесту, так же как ясно («мне любопытно увидеть»), что речь идет о том, что Екатерина Гончарова носила при себе, на себе или в себе.

5

Добрая моя Катрин, Вы видели нынче утром, что я отношусь к Вам почти как к супруге, поскольку запросто принял Вас в самом невыигрышном неглиже. Чувствую я себя по-прежнему хорошо. Весь день у меня были гости.

Настойчивость В.¹ меня удивляет и представляется неуместной шуткой. Ведь Поль² видел вчера, как я чуть ли не пластом лежал на софе, и все-таки Валуев³ пришел ко мне с приглашением по всей форме. Я сильно тревожусь, что бы это могло значить, в любом случае Вы там будете и завтра мне расскажете.

Прощайте, доброй ночи, повеселитесь как следует.

Весь Ваш
Ж. де Геккерен

АГ. Собственноручное письмо без даты. По всей вероятности, относится к периоду выздоровления Жоржа Дантеса, поскольку видно, что П. А. Валуев и кн. П. А. Вяземский считают уместным пригласить его в свой дом.

¹ Речь идет, вероятнее всего, о кн. Петре Андреевиче Вяземском. (Прим. В. Старка.)

² Можно почти с уверенностью сказать, что речь идет о кн. Павле Петровиче Вяземском (1820—1888), студенте Петербургского университета. (Прим. В. Старка.)

³ Петр Александрович Валуев (1815—1890), камер-юнкер, с 1834 г. чиновник II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с мая 1836 года супруг княжны Марии Петровны Вяземской.

Добрый друг, ты всегда хочешь поступать по-своему, вот и получила по заслугам. Я же знал, что тебе не разрешат прийти, комендант¹ ясно сказал мне об этом. О том же, чтоб пройти без разрешения, не стоит и думать, так как мне кажется, что офицер, который вчера стоял в карауле, будет посажен под арест за то, что пропустил тебя в гауптвахту, не прочтя твоей записки. Похоже, гауптвахта, где я помещаюсь, окружена шпионами, поскольку им известно все, что я делаю; так, сегодня утром приезжал командир гренадерского полка² намылить голову офицеру, а после с тем же явился еще и плац-майор.³ Так что, видишь, добрый мой друг, придется отказаться от надежд на всякие ухищрения. Я считаю, что барон напрасно подавал просьбу в твоём письме; ему надо было бы просить от себя, и ему комендант, конечно, не отказал бы.

Сердечно обнимаю вас обоих,

Жорж

Если можно, пришли мне газет.

АГ. Собственноручное письмо. Датировано между 18 февраля 1837 года, днем, когда из-под домашнего ареста Жорж де Геккерен был переведен на гауптвахту, и несколькими днями до 21 марта 1837 года, когда, высланный за пределы русской границы, он уехал под конвоем по направлению к Пруссии.

¹ Александр Яковлевич Сукин (1764—1837), генерал от инфантерии, комендант Петропавловской крепости (1814—1837), на территории которой располагалась гауптвахта, где содержался Дантес.

² Кн. Петр Григорьевич Волконский (1803—1857), генерал-майор, командир Лейб-гвардии Гренадерского полка, караул от которого нес в описанный день службу на гауптвахте.

³ Плац-майор Петропавловской крепости.

Госпоже баронессе де Геккерен

Надеюсь, мой добрый и превосходный друг, ты будешь крепко спать и терпеливо дожидаться завтрашнего дня и свидания со мной. Я говорил с комендантом: ты его получишь. Необходимо лишь, чтобы утром ты написала записку его жене и указала в ней лиц, которые будут тебя сопровождать. Он сказал мне, что ты сможешь привести с собой тех, кого захочешь.

Обнимаю тебя так же, как люблю, то есть чрезвычайно сильно.

Жорж

P. S.

А ты, любезный друг мой, надеюсь, тоже совершенно обо мне не тревожишься, и я обнимаю тебя так же, как Катрин.

АГ. Собственноручное письмо. Оно датировано промежутком между 18 февраля и несколькими днями, предшествующими 21 марта 1837 года.

Публикация и комментарии профессора Серены Витале (Италия)

*Подготовка писем к печати в России
и вступительная заметка В. П. Старка*

*Перевод писем с французского М. И. Писаревой,
комментариев с итальянского С. В. Сливинской*

Звезда

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЖУРНАЛ**

**Издается
с января
1924
года**

1997(8)

Санкт-Петербург